

УДК 94(47).084.8
ББК 63.3.(2)622

**ПРИЗЫВНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И КОМПЛЕКТОВАНИЕ
РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКОЙ КРАСНОЙ АРМИИ ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ
НЕРУССКИХ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ В 1920-е гг.**

А. Ю. Безугольный

В дореволюционный период в русскую армию не призывались десятки народов Российской империи, в том числе многие среднеазиатские, северокавказские, сибирские. Вместо действительной военной службы они выплачивали специальный налог. С 1870-х гг., с переходом от рекрутских наборов к всеобщим призывам, в российское законодательство была внесена норма о военной обязанности для нерусских народов, однако царскими указами их мобилизация ежегодно откладывалась «до Высочайшего соизволения». Этому препятствовали ненадежность учета нерусского населения, отсутствие традиций службы в регулярной армии, языковой барьер и низкий уровень образования местных жителей, часто — политическая напряженность на окраинах империи, наконец, невысокая емкость армии, позволявшая обходиться по преимуществу славянским контингентом. Призыв «туземного», как его тогда называли, населения не был осуществлен и в период Первой мировой войны, когда России пришлось испытать колоссальное напряжение от нехватки людских ресурсов.

В годы Гражданской войны в России противоборствующие стороны широко вовлекали в вооруженную борьбу на своей стороне национальные меньшинства. Иногда национальные формирования становились решающими факторами в гражданском противостоянии, прямо влияя на исход военно-политической борьбы в том или ином регионе. В ряде случаев национальные формирования представляли собой партизанские отряды, укомплектованные добровольцами, не имевшие четкой структуры и системы соподчинения — всего того, что составляет существо армейской строевой части. После окончания активной фазы боевых действий такие формирования быстро распались, что вполне соответствовало самой природе партизанской тактики борьбы. Нарком по

военным и морским делам М. В. Фрунзе характеризовал это явление просто: они «сами собой перестали существовать» [РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 54. Л. 278].

Важнейшим контекстом, в котором развивались национальные формирования в 1920-е гг., являлась жесткая экономия средств разрушенного войной молодого советского государства. Квинтэссенцией экономической политики в военном строительстве можно считать призыв М. В. Фрунзе к «максимальному сокращению всего, что не является абсолютно необходимым» [Фрунзе 1926: 132]. Так, если к 1 октября 1922 г. численность РККА составляла 796,9 тыс. чел. [РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 34. Л. 4], то к концу 1923 г. штатная норма была понижена до 582,5 тыс. чел., а списочная численность составляла 535 тыс. чел. [Реформа 2006: 90]. Реальный комплект строевых частей, прежде всего стрелковых, достигал в этот период 44% [Народный 1925: 12]. Тем не менее, к 1 октября 1924 г. штатная численность РККА была доведена до 537,5 тыс. чел. [Реформа 2006: 265]. Списочная численность на 1 сентября 1924 г. составляла 478,5 тыс. чел, а налицо имелось 404,4 тыс. чел. [Реформа 2006: 267].

В первые годы после Гражданской войны очередные призывы в РККА не проводились. В 1922 г. был осуществлен допризыв граждан 1901 года рождения, не призванных по разным причинам во время Гражданской войны. Очередной призыв граждан 1902 года рождения, намеченный на весну 1923 г., не состоялся из-за нехватки средств на его проведение. Пришлось в очередной раз задержать демобилизацию красноармейцев, многие из которых несли службу уже четвертый-пятый год подряд [РГВА. Ф. 4. Оп. 3. Д. 1437. Л. 3]. Лишь весной 1924 г. был осуществлен первый призыв мирного времени молодежи 1902 года рождения [РГВА. Ф. 54. Оп. 3. Д. 28. Л. 16].

В дальнейшем призывы проводились только осенью, с 1 октября по 1 ноября, как это было в царской армии. С 1928 г. сроки призывных кампаний расширились до двух месяцев — с 1 сентября по 1 ноября.

В 1921 г. было издано первое руководство по призывам военнообязанных в РККА [РГВА. Ф. 4. Оп. 3. Д. 1702. Л. 16]. С середины 1920-х гг. призывы военнообязанных объявлялись особыми декретами СНК и проводились в жизнь распоряжениями РВС Республики. При объявлении призыва точно указывалось: какие возрасты и категории военнообязанных подлежат призыву; в каких именно местностях он должен быть произведен; первый день призывной кампании и т. д. Понятно, что при незначительной емкости вооруженных сил действительную службу в войсках в эти годы проходили далеко не все призывники, численность которых составляла приблизительно 1 200 тыс. чел. одного года рождения, из которых до 750 тыс. чел. признавались годными к строевой службе. Ежегодная потребность в призывниках исчислялась в 200—250 тыс. чел. В 1920-х гг. использовалась 4-ступенчатая система льготных категорий по образованию, семейному положению, профессии, здоровью и др. признакам. Сначала в армию зачислялись призывники безльготной категории, затем льготники 4-го разряда, 3-го и т. д. Эта система комплектования почти без изменений перешла из царской армии. В строевые части призывники попадали по жребию, который тянули лично [РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 133. Л. 78]. Система жеребьевки также была унаследована от царской армии. Остатки контингентов, не принятых в армию, должны были проходить военную подготовку вневоинским порядком [РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 133. Л. 427об.].

Вопрос о призыве представителей нерусских национальностей и национальных формирований в эти годы имел важнейшее политическое значение, особенно ввиду интенсивных объединительных процессов в послевоенные годы, окончившихся созданием в декабре 1922 г. Союза Советских Социалистических Республик. Для элит национальных регионов СССР наличие воинских формирований, представлявших их этнос, было важнейшим символом национальной идентичности и залогом сохранения государственной и культурной независимости.

Законодательно вопрос о привлечении на военную службу представителей народов, ранее не служивших в армии, впервые был решен постановлением Совета Труда и Оборона (далее — СТО) «О призыве в ряды Красной Армии граждан не русской национальности Сибири, Туркестана и других окраин», подписанным В. И. Лениным 10 мая 1920 г. В первом пункте постановления указывалось, что граждане нерусских национальностей *«подлежат призыву в ряды Красной Армии на одинаковых основаниях с остальными гражданами РСФСР»*. Однако уже второй пункт постановления предусматривал возможность временного освобождения от призыва некоторых национальностей. Право освобождения было предоставлено местным органам власти по согласованию с губернскими военными комиссарами и Всероглавштабом. При этом освобождение граждан той или иной национальности от военной службы надлежало каждый раз утверждать в СТО с мотивированным объяснением необходимости этой меры. Все освобождаемые по постановлению подлежали привлечению к государственной трудовой повинности с учетом местных бытовых и хозяйственно-экономических условий [Декреты 1976: 175–176].

Во исполнение постановления СТО от 10 мая 1920 г. в июне 1920 г. временно исполняющий должность начальника Всероглавштаба РККА А. А. Самойло запросил соображения Наркомнаца РСФСР, Сибирского ревкома, РВС Туркестанского и Северо-Кавказского военных округов о возможности мобилизации нацменьшинств. *«Если же таковая мобилизация, — отмечалось в запросе, — представляется нецелесообразной или невыполнимой по разным причинам, то охарактеризуйте их и укажите, не может ли это инородческое население быть привлечено в порядке обязательной разверстки или вербовки добровольцев»* [РГВА. Ф. 11. Оп. 8. Д. 692. Л. 78]. Кроме того, у регионов запрашивалась информация о состоянии учета «инородческого населения», а если учета еще не было, то предлагалось немедленно провести его.

В округах были образованы особые совещания с участием представителей местных властей, военных кадров и нацменьшинств. Командование Красной Армии представило на рассмотрение комиссий широкий перечень вопросов: какие этносы можно привлечь к военной службе не-

медленно, для каких этносов ее можно заменить трудовой повинностью и на каких условиях, а для каких — сохранить льготы в полном объеме [Сиднев 1927: 69]. Материалы из округов продолжали поступать до октября 1922 г., поэтому ко времени первого частичного призыва осенью 1922 г. вопрос о нерусских национальностях не был решен окончательно. В постановлении СНК от 6 сентября 1922 г. о призыве граждан, родившихся в 1901 г., оговаривалось: «*Граждан, кои по своим национальным, бытовым и экономическим условиям не призывались в ряды армии при ранее бывших призывах, от призыва, согласно настоящего постановления освободить*» [Цит. по: Сиднев 1927: 69]. В пояснительной записке к проекту постановления СНК зампреда РВСР Э. М. Склянский отмечал, что под «*ранее бывшими призывами*» понимаются как до-революционные призывы, так и советские призывы периода Гражданской войны: «*строгой определенности в этом вопросе в настоящее время законом не установлено*» [РГВА. Ф. 4. Оп. 3. Д. 956. Л. 2]. Таким образом, в вопросе о призыве нерусских народов как бы перебрасывался мостик к до-революционным временам.

В том же 1922 г. вопрос о призыве национальностей обсуждался в Наркомнаце, где была создана специальная комиссия. Она сочла возможным и необходимым распространить всеобщее военное обучение во всех союзных и автономных республиках и областях. По вопросу о призыве жителей национальных окраин Наркомнац допускал ряд исключений. В частности, было отмечено, что «*принцип мобилизации и отбывания воинской повинности приходится совершенно отбросить по отношению к кавказским народностям, населяющим Дагреспублику, Горреспублику, Кабардино-Балкарскую, Карачаево-Черкесскую [республики] и вообще горцев Северного Кавказа*» [Цит. по: Сиднев 1927: 69]. ВЦИК учел эти мнения в постановлении от 28 сентября 1922 г., содержащем норму о «временной отсрочке» «*тем из населяющих РСФСР народностей, которые по своим культурным и бытовым особенностям еще не могут... дать вполне годных воинов*». Освобождение от обязательной срочной службы многих окраинных народов диктовалось не только отсутствием у них исторического опыта прохождения таковой, но и сложной социально-политической обстановкой в регионе.

Важнейшим водоразделом в определении стратегии дальнейшего национального строительства в РККА стал XII съезд РКП(б), проходивший 17–25 апреля 1923 г. Он стал первым съездом большевистской партии после образования СССР. В резолюции XII съезда РКП(б) «По национальному вопросу» был подтвержден ранее провозглашенный курс на добровольное и равноправное участие советских республик в государственном и культурном строительстве новой державы, при этом указывалось, что достижение этой цели было возможно лишь в результате преодоления «наследия царизма» — великорусского шовинизма и местного национализма. Этим явлениям в резолюции было уделено основное внимание. Первое из них считалось главным злом, а второе — «*своеобразной формой обороны*» против первого, производной от великорусских настроений — вначале царских, а теперь и чиновников новой генерации — советских. Съезд брал под свою защиту национальные меньшинства СССР, потребовав карать «*со всей революционной суровостью всех нарушителей национальных прав*» [Коммунистическая 1970: 439–441]. В военной сфере съезд рекомендовал, с одной стороны, «*усилить воспитательную работу в Красной Армии в духе насаждения идей братства и солидарности народов Союза*», с другой — провести «*практические мероприятия по организации национальных войсковых частей* (выделено мной. — А. Б.), с соблюдением всех мер, необходимых для обеспечения полной обороноспособности республик» [Коммунистическая 1970: 441].

Государственная политика в области военного строительства в национальных регионах СССР стала органичной частью общего курса национальной политики на так называемую «коренизацию», когда национальные кадры во всех сферах общественной жизни получали приоритет перед нетитульными. Курс на национальное военное строительство совпал с масштабным переходом к территориально-милиционной системе комплектования и боевой подготовки войск, вызванным соображениями экономии государственных расходов. При таком подходе лишь малая часть войск, прежде всего штабы и органы обеспечения, оставалась на казарменном положении в местах постоянной дислокации, а остальные части комплектовались

из местных жителей, призываемых на краткосрочные сборы. В дальнейшем развитие территориальных и национальных формирований шло бок о бок, поскольку немалая часть национальных частей комплектовалась по территориальному признаку.

Основным идеологом программы национального строительства в РККА в середине 1920-х гг. был М. В. Фрунзе (в январе–октябре 1925 г. — председатель РВС СССР и нарком по военным и морским делам), который считал, что многочисленные нерусские контингенты являются «источником дополнительной мощи» для Красной Армии. На совещании политработников 17 ноября 1924 г., он определил место национальных формирований в структуре РККА, каким он его видел в обозримом будущем: «Национальные контингенты займут в Красной Армии очень видное место и будут заметно влиять на ее общую боеспособность... Национальные формирования для нас — не пустая забава, не игра для удовлетворения национального самолюбия отдельных народов Союза. Это — серьезная задача, вытекающая из всего характера нашего государства... Строить армию иначе мы не можем» [Фрунзе 1924: 140]. Выступая перед слушателями Военной академии РККА 20 декабря 1924 г., Фрунзе определял национальные формирования как своего рода материальное олицетворение национальной политики государства и мост между народами (причем не только советскими), способный «связать теснейшим образом эти бывшие колониальные народы царской империи с нами, а через них связать судьбу колониальных народов других стран с судьбой Советского Союза» [Фрунзе 1924: 190]. Имелось в виду, что национальные части могли бы стать застрельщиками новых этапов мировой революции на Ближнем и Среднем Востоке, а также в Европе.

Поворотным в судьбе национальных формирований стал Пленум РВС СССР, проходивший в конце ноября — начале декабря 1924 г. К этому времени в РККА национальные части и соединения существовали: в Грузинской ССР (2 стрелковые дивизии), Армянской ССР (стрелковая дивизия), Азербайджанской ССР (стрелковая дивизия), Украинской ССР (4 территориальные стрелковые дивизии), Белорусской ССР (территориальная стрелковая дивизия),

Бухарской ССР¹ (отдельные стрелковый батальон, кавалерийский дивизион, выучная конно-горная батарея), Дагестанской АССР (отдельный кавалерийский эскадрон), Крымской АССР (отдельная стрелковая рота) и Якутской АССР (отдельная стрелковая рота и кавалерийский взвод) [РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 54. Л. 276]. 28 ноября на Пленуме с докладом «О национальных формированиях» выступил М. В. Фрунзе, указавший, что «эти национальные формирования охватывают далеко не все республики, а в пределах отдельных республик — не все могущее быть привлеченным к военной службе население» [РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 54. Л. 269].

По итогам пленума вскоре разработали и приняли Пятилетнюю программу, которая должна была придать военному национальному строительству систематичность, единообразие и целеустремленность. Применительно к каждому конкретному народу, где намечались национальные формирования, Пятилетняя программа, по определению начальника Управления устройства и службы войск Главного управления РККА (далее — ГУ РККА) Я. И. Алксниса, должна была строиться на пяти принципиальных положениях: экономических возможностях СССР и прежде всего военного ведомства; численности населения того или иного национального региона; наличии национальных кадров командного состава; «природных качеств и способностей каждой национальности» и, наконец, наличии или отсутствии исторического опыта призыва в армию у того или иного народа [РГВА. Ф. 54. Оп. 1. Д. 1088. Л. 1]. Реализация программы должна была завершиться к началу 1929/1930 бюджетного года (т. е. к 1 октября 1929 г.). Численность национальных частей из представителей народов Кавказа, Средней Азии, Поволжья и Сибири к этому времени должна была быть доведена до 38 401 чел. [Реформа 2006: 306]. Кроме того, в составе РККА уже имелись четыре украинских (общий штат — 9528 чел.) и одна белорусская (штат — 3505 чел.) территориальные стрелковые дивизии [РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 501. Л. 69].

¹ 27 октября 1924 г. Бухарская ССР в ходе национально-государственного размежевания была ликвидирована, а ее территории вошли в состав вновь образованных Узбекской и Туркменской ССР, но ее национальные воинские подразделения еще сохраняли прежние наименования.

В дополнение к отдельным национальным формированиям в 1924 г. появилась еще одна особая форма организации национальных контингентов — так называемая «концентрация». Если для представителей отдельных народов не предусматривалось отдельных нацформирований, то их старались сосредоточить в одном соединении в составе отдельных взводов, рот, эскадронов, батальонов. Так, в Западном военном округе поляки были сконцентрированы в 3-й стрелковой дивизии, татары — в 3-й, 15-й и 24-й, немцы — в 45-й, молдаване — в 51-й и т. д. [РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 476. Л. 249об.]. Осенью 1924 г., с прибытием пополнения первого общесоюзного призыва 1902 года рождения, во всех округах явочным порядком татары (в том числе крымские), немцы, чуваша, молдаване были объединены в 35 рот и 26 взводов в составе обычных частей [РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 476. Л. 249об.; Д. 501. Л. 40]. В 1925 г. численность подразделений указанных 4 национальностей достигла 94 рот и 19 взводов. А в 1926 г., после призыва молодежи 1903 года рождения, «концентрация» затронула и другие национальности, не охваченные военным строительством: башкир, вотяков, зырян, мари, мордовцев, пермяков и корейцев. Общая численность неотдельных национальных подразделений составила 132 роты и 55 взводов. «Концентрацией» было охвачено 75% призывного контингента из числа «националов», что было признано «большим достижением» [РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 501. Л. 40]. Эта мера, как считалось, себя оправдала «в смысле большей успеваемости в учебе и, особенно, в политическом их развитии» [РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 501. Л. 40]. Постепенно практика «сведения нацмен в подразделениях в номерных частях» [РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 54. Л. 1] стала пониматься как один из двух (наряду с формированием национальных частей) магистральных путей национального строительства в РККА.

Обсуждение и принятие долговременной программы национального военного строительства шло параллельно с разработкой военно-мобилизационного законодательства, включавшего, в числе прочего, и вопросы привлечения к военной службе нерусских национальностей. В первой половине 1920-х гг. ситуация с призывом в армию для граждан различных национальностей была неодинаковой. Например, в РККА без ограничений принимались пред-

ставители этносов, относимых к категории «иностранных»: финны, немцы, румыны, поляки, чехи, сербы, корейцы и проч. Все они в тот период считались прежде всего «представителями пролетариата» и прочих трудовых слоев своих стран, а не носителями специфической этничности. Политические мотивы доверия/недоверия к военным служащим по признаку их национальности вообще не принимались в расчет в первые годы после революции, когда надежда на дальнейшую революционную экспансию у большевистских вождей еще не угасла. Более того, удельный вес представителей «заграничных буржуазно-националистических стран» оказывался неизменно высоким в самом важном социальном слое военных служащих — партийном составе. Например, в 1924 г. таковых оказалось 1 033 чел., или 4,3% всех членов РКП(б), состоявших на службе в РККА [РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 770. Л. 335об.].

На этом фоне жители национальных окраин СССР, которые не призывались в ряды РККА, справедливо чувствовали себя ущемленными. При допризыве граждан 1901 года рождения в 1922 г. и призывах граждан 1902 и 1903 годов рождения в 1924–1925 гг., как отмечалось в одном из отчетов ГУ РККА, «вопрос о призыве национальных меньшинств решался в смысле не призыва тех национальностей, которые не призывались при ранее бывших призывах, в том числе и при призыве в старую армию» [РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 549. Л. 5]. Понятно, что такой механический и формальный подход «не мог считаться удовлетворительным», в связи с чем 31 июля 1925 г. РВС СССР внес в СНК СССР проект совместного постановления ВЦИК и СНК с точным перечислением тех местностей и национальностей, «в отношении которых признается необходимым в настоящее время воздержаться от призыва **в обязательном порядке** (выделено мной. — А. Б.)» [РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 549. Л. 5]. Законопроект предусматривал, в частности, временное освобождение от призыва в РККА некоторых народностей Кавказа, Туркестана, Казакской (Казахской) АССР, Поволжья и северных окраин СССР. Этот законопроект находился на рассмотрении правительства в течение нескольких месяцев, был согласован с представительствами республик и автономных областей, рассмотрен в Малом Совнаркоме, однако, в конечном итоге, от-

клонен [РГВА. Ф. 54. Оп. 3. Д. 41. Л. 17] после вступления в силу нового призывного закона, разъяснявшего, в частности, порядок службы нерусских народов.

Закон «Об обязательной военной службе» вступил в силу 18 сентября 1925 г. Он регулировал все вопросы военной службы граждан Советского государства. Закон не содержал исключений ни для отдельных граждан, ни для народов, но и не предполагал массового призыва в национальных республиках и областях. В статье 16 этого закона предусматривался особый порядок прохождения обязательной военной службы по согласованию с национальными ЦИК для ряда народов, перечень которых не являлся постоянным. Устанавливая возможность «особого порядка» отбывания военной службы, статья 16 закона давала право освобождения от действительной военной службы в кадровом и переменном составе, но формально считалось, что эти народы привлекаются к военной службе, поскольку составными частями таковой являлись, помимо перечисленных форм, также допризывная подготовка и состояние в запасе. Кроме того, действительная военная служба могла быть пройденной вневоинским порядком.

Новый закон породил разные толкования, отражавшие позиции различных заинтересованных сторон — политических элит национальных регионов, высшего руководства РККА, военного руководства на местах. Положение о всеобщем характере воинской повинности в СССР для трудовых слоев населения в возрасте от 19 до 40 лет, закрепленном в статьях 1 и 3 этого закона, многие республиканские власти поняли как императивное руководство к призыву титульных национальностей в своих республиках. В одной из докладных записок заместителя начальника ГУ РККА в РВС СССР сообщалось: с одной стороны, некоторые республики настаивали на немедленном призыве коренных народов в общем порядке, «не считаясь с наличием общей подготовки, другие же республики протестуют против призыва даже и в том случае, когда проведение такового уже возможно» [РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 549. Л. 5]. Первых было больше, причем иногда республиканские власти, следуя букве закона, принимали решения самостоятельно. Например, как отмечал 26 октября 1927 г. в своей записке начальнику ГУ РККА В. Н. Левичеву заме-

ститель председателя РВС СССР и замнаркомвоенмора С. С. Каменев, «в Туркестане с призывом сложилось довольно-таки нелепо: туркестанские власти объявили призыв на основании [Закона о все]общей воинской повинности. Они там по этому поводу проделали кампанию, после чего, разумеется, призыв продолжает производиться». После замечания из Москвы призыв был отменен «и кажется теперь незаконным» [РГВА. Ф. 54. Оп. 3. Д. 41. Л. 84].

Потребовались специальные разъяснения порядка правоприменения 16-й статьи. 15 июля 1927 г. в военные округа было разослано циркулярное письмо народного комиссара по военным и морским делам с разъяснениями: «В вопросе призыва национальностей... может идти речь не о распространении на них обязательной военной службы, а лишь о порядке и способах постепенного привлечения их к выполнению обязательной военной службы. Закон же об обязательной военной службе, как имеющий общесоюзное значение, распространяется на всех без исключения граждан союза СССР, независимо от национальности... Между тем, — подчеркивалось в циркуляре, — ряд военных округов не уяснив себе сущности Закона об обязательной военной службе (зачеркнуто в проекте циркуляра. — А. Б.), до настоящего времени входят с представлениями как в Реввоенсовет ССР, так и в ЦИКи республик «о распространении Закона об обязательной военной службе на ту или иную национальность, что является совершенно неправильным». В упомянутом циркуляре предлагалось: во-первых, «издать и широко распространить закон среди трудящихся на языках народов СССР»; во-вторых, «оповестить ранее не призывавшихся в соответствии с утвержденным наркомвоенмором планом призыва о предстоящем призыве и порядке привлечения их к обязательной военной службе» [РГВА. Ф. 54. Оп. 3. Д. 41. Л. 57–59]. Для того, чтобы разрешить эту и другие коллизии, возникшие в ходе практической реализации закона «Об обязательной военной службе», в 1927 г. была создана комиссия ГУ РККА под руководством начальника управления Н. Н. Петина [РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 133. Л. 603]. Выработанный комиссией проект обновленного закона был разослан в главные управления Наркомвоена и другие наркоматы, а также в региональные советские и партийные органы. Полученные за-

мечания были учтены в обновленной редакции закона, вступившего в силу 1 августа 1928 г.

ГУ РККА настаивало на расширении содержания закона, предоставив Наркомвоенмору право напрямую вести переговоры с законодательными органами национальных регионов, причем расширив номенклатуру контрагентов до представителей автономных республик и областей (ст. 16 закона «Об обязательной военной службе» назначала субъектом переговоров с военным ведомством только ЦИК союзных республик). В проекте новой редакции закона справедливо отмечалось, что фактически такой порядок уже существует и широко практикуется [РГВА. Ф. 54. Оп. 3. Д. 41. Л. 15–17], например, с ЦИК Бурят-Монгольской, Карельской, Казакской (Казакской), Якутской АССР, Калмыцкой АО. *«Этот способ вполне можно будет проводить и в дальнейшем, по мере вовлечения в ряды РККА национальностей, ранее не призывавшихся»*, — указывалось в заключении ГУ РККА [Отчет 1927: 16]. ЦИК СССР дал на это предложение отрицательное заключение, посчитав недопустимым действовать через голову центральных государственных органов [РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 133. Л. 60]. Аналогичные заключения последовали от многих ЦИК и СНК союзных республик (в том числе РСФСР и УССР), расценивавших предоставление права ЦИК автономных республик и областей непосредственно сносятся с военным ведомством как ущемление своего государственного суверенитета [РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 133. Л. 80].

После длительных дискуссий статья об особом порядке прохождения службы для представителей нерусских народов в новую редакцию Закона «Об обязательной военной службе» от 1 августа 1928 г. (уже под номером 17) вошла с двумя существенными изменениями по сравнению с законом 1925 г. Во-первых, согласовывать возможность призыва в той или иной республике военному ведомству теперь предстояло с СНК, а не ЦИК этих республик. Таким образом, это право передавалось от представительных органов власти к исполнительным. Во-вторых, *«в качестве временной меры»* допускалось *«вовсе не привлекать этих граждан (имелись в виду отдельные народы и социальные группы граждан. — А. Б.) к отбыванию обязательной военной службы в силу бытовых или местных усло-*

вий» [РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 133. Л. 115об; СЗ СССР. 1928 г. № 51. Ст. 449]. Таким образом, из текста статьи исключался эвфемизм о различных формах военной службы, часто приводивший к путанице. С некоторыми стилистическими отличиями эта норма была повторена и в очередной версии Закона об обязательной военной службе, утвержденной ЦИК и СНК СССР 13 августа 1930 г. (ст. 24).

С принятием Пятилетней программы и ростом численности национальных частей, а также расширением практики «концентрации» представителей нерусских национальностей в рамках неотдельных подразделений, военные округа стали достаточно быстро приобретать специфическую национальную окраску, повторявшую этнический фон территории, занимаемой тем или иным военным округом. Прежде всего это относилось к славянским контингентам, призывавшимся массово и без ограничений. Так, например, в ходе призыва молодежи 1902 года рождения и осеннего допризыва молодежи того же года, состоявшихся в течение 1924 г., с весенним пополнением Западный военный округ на 22,7% состоял из белорусов, а с осенним — уже на 36,6%. Украинский военный округ в 1925 г. был укомплектован на 74,2% украинцами, Московский — на 94% русскими [РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 476. Л. 249]. В одном из отчетов наркома с удовлетворением отмечалось, что если в 1921–1922 гг. «великорусское ядро» Красной Армии составляло 74%, то к середине 1927 г. оно сократилось до 64% [РГВА. Ф. 4. Оп. 2. Д. 313. Л. 30]. Правда, в значительной мере изменение этой пропорции было достигнуто за счет увеличения численности украинских (до 22%) и белорусских (до 4%) войск, т. е. славянских по составу частей [РГВА. Ф. 4. Оп. 2. Д. 313. Л. 31]. Что касается неславянских национальностей, то, как отмечалось в докладе Политуправления РВСР, в 1925 г. по результатам призыва молодежи 1903 года рождения удельный вес «нацменьшинств» в РККА достиг 8%, и это без учета украинцев и белорусов, а также *«национальностей, уже обеспеченных нацформированиями — грузин, армян и тюрок (азербайджанцев. — А. Б.)»* [РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 804. Л. 1об.].

При кажущейся внушительности этих данных в то же время не стоит их переоценивать. Ввиду общей незначительной численности Красной Армии в 1920-е гг. (в

среднем от 500 до 700 тыс. чел.) мобилизационная нагрузка на население национальных регионов в первой половине 1920-х гг. была невелика. Совокупная численность жителей республик СССР, в которых намечались национальные части (за исключением Украины и Белоруссии), оценивалась в 25 851 тыс. чел. Точных данных на этот счет не имелось: в большинстве республик численность населения оценивалась с точностью до тысячи, а в среднеазиатских — с точностью до миллиона (!). Мобилизационная нагрузка на национальные республики в большинстве своем не превышала 0,1–0,2 % от общей численности населения. Лишь в отдельных случаях она достигала более значительных показателей: у карел — 2,44%, у азербайджанцев — 1,6%, у бурят-монголов — 1,45%, у армян — 0,53%, у туркмен — 0,42%, у грузин — 0,3% [РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 54. Л. 277об.]. Северокавказских горцев, численность которых оценивалась в 2 464 тыс. чел., предполагалось призывать в намеченную к формированию в Пятилетней программе территориальную кавалерийскую дивизию со штатом 1 889 чел. (0,08% от числа горского населения) [РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 54. Л. 277об.]. В то же время нельзя не отметить, что общее мобилизационное напряжение населения СССР в середине 1920-х гг. в связи с резким сокращением РККА было невелико. Если в сопредельных с СССР странах этот показатель оценивался в 10–11 чел. на 1000 чел. (1% населения и более), то в Советском Союзе — лишь 4 чел. на 1000 чел. (0,4%). М. В. Фрунзе в конце 1924 г. оценивал удельный вес Красной Армии к численности населения страны в 0,5% [РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 476. Л. 26об.].

Труднопреодолимым препятствием на пути расширения национального военного строительства становились специфические особенности призывных контингентов: культурно-языковые различия, низкий уровень образования, крайне незначительное число командиров и политработников, владевших национальными языками. Как отмечалось в докладе начальника информационно-статистического отдела Политуправления Милова от 21 апреля 1925 г., обобщившего опыт пополнения призыва 1902 г. рождения, «национальные меньшинства во многих случаях неграмотны не только на русском, но и на своем родном языке, отличаются большой религиозностью и на этой почве стремятся к обособлению от дру-

гих национальностей» [РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 476. Л. 249об.]. Например, в 8-й пехотной школе ПриВО, укомплектованной частично курсантами-киргизами, последние по аналогии со своей домашней обстановкой рассматривали ленинские уголки как красный передний угол юрты, где обычно спали знатные люди. В силу этого если койка русского курсанта была расположена ближе к ленинскому уголку, а койка курсанта-киргиза — ближе к двери, то киргизы наотрез отказывались идти в ленинский уголок. В той же школе киргизы отказывались есть суп или борщ, а однажды собрали из тарелок лавровые листья и послали их председателю Киргизского ЦИК как доказательство того, что «их с наступлением осени кормят падающими с деревьев листьями, которые не могут есть даже верблюды» [РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 476. Л. 249об.]. Красноармейцы-мусульмане, прежде всего татары, отказывались от обедов, приготовленных из свинины, просили «разрешить им праздновать пятницу вместо воскресенья» [РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 476. Л. 249об.]. В докладе Милова отмечалось, что даже у представителей народов, «развивавшихся в условиях развитого капитализма», например, немцев и поляков, отличавшихся относительно высокой образованностью и, зачастую, хорошим знанием русского языка, «в их поведении сквозят иногда нотки национального самознания, обидчивости, национальной гордости» [РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 476. Л. 249об.]. Представители национальных меньшинств нередко пользовались своим положением, толкуя бытовую неустроенность и нехватку тех или иных элементов красноармейского быта, свойственную жизнедеятельности РККА того периода, в категориях национального угнетения и русского шовинизма. Например, в одной из сводок Политуправления РВСР в мае 1926 г. отмечалось, что «несвоевременная выдача обмундирования, случайно выпавшая на татарскую роту, вызвала явления [типа] «нас угнетают». [Вообще] пополнение из наименьшинств, в том числе и парткомсомольское, чутко реагирует на все недостатки, относя их к отрицательному отношению к наименьшинствам и требуя усиления внимания к ним со стороны командования» [РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 804. Л. 13].

С середины 1920-х гг. в войска стали поступать представители национальностей, которые прежде, при архаичной социально-

экономической структуре России и огромных расстояниях, могли бы никогда не встретиться друг с другом. Для русских же красноармейцев, многие из которых прибывали из глухих деревень, встреча с «националами» происходила впервые, и они нуждались в определенных адаптационных и ознакомительных мероприятиях — беседах, разъяснениях, митингах. Как отмечалось в упомянутом выше докладе Милова, «не мудрено, что татары в 24-й [стрелковой] дивизии [ПриВО] были встречены с большим любопытством; на них смотрели как на какую-то диковинку и при этом позволяли себе по их адресу насмешки и остроты» [РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 476. Л. 250]. Говоря о численно преобладавших в войсках русских и украинцах, Милов отмечал, что «им еще во многих случаях присущ национальный шовинизм и великодержавное отношение к тем нациям, которые при царизме больше всех угнетались» [РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 476. Л. 250]. В сводке Политуправления РВСР от 26 мая 1926 г. отмечалось, что «до сих пор со стороны красноармейцев по отношению к национальным меньшинствам употребляются оскорбительные прозвища» [РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 804. Л. 13]. В свою очередь, «национальные меньшинства энергично реагируют на всякую нетактичность, насмешки», вплоть до драк и даже поножовщины [РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 804. Л. 13]. Сильнейшим образом проявлялась мусульманская религиозность, особенно у татар. В документах первой половины 1920-х гг. неоднократно упоминается явно провокационное со стороны русских красноармейцев обыкновение адресовать жест крестного знамения татарам, на что те реагировали всегда чрезвычайно бурно [РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 462. Л. 86].

Для армейских командиров контингенты, не владевшие русским языком, представляли дополнительное затруднение. По существу, если «национал» распределялся не в национальную, а в так называемую «номерную» или «всесоюзную», т. е. преимущественно славянскую по составу воинскую часть, то командиры, как правило, определяли таких военнослужащих на хозяйственные работы. В ходе обсуждения проекта директивы наркома о порядке призыва и распределения нацменьшинств по итогам призыва 1927 г. заместитель начальника ПУР И. Е. Славин отмечал, что желательно не использовать националов («всех

их») на хозработках, «как **обычно водится**» (выделено мной — А. Б.) [РГВА. Ф. 54. Оп. 1. Д. 41. Л. 46]. Наряду со стереотипами принимались и реальные меры для удовлетворения культурно-бытовых потребностей неславянских контингентов. В частности, 25 марта 1925 г. постановлением РВС СССР было решено «**ввести для национальных частей национальные блюда**», для чего дополнительно отпускалось 124 тыс. руб. [РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 133. Л. 157].

Самой сложной проблемой интеграции национальных контингентов в армейской среде являлся языковой барьер. Масштабы этой проблемы для различных национальных формирований были неодинаковы. Если удавалось подобрать командно-политический состав из представителей местных национальностей, то языковой барьер исчезал вовсе, как, например, в закавказских национальных частях, где подготовка командного состава местных национальностей была поставлена хорошо, а также в украинских и белорусских частях, где этот барьер был незначителен. Но без резерва командного состава даже такие части в боевой обстановке могли оказаться в сложной ситуации. «**При национальном языке командования, — сообщалось в докладе заместителя начальника Штаба РККА С. А. Пугачева в РВС СССР 30 апреля 1927 г., — часть, потерявшая многих своих командиров, будет лишена возможности принять участие в боевых операциях, т. е. будет обречена на бездействие. Перемешивание частей, весьма частое в боевой обстановке, при различии в языке командования приведет к ощутимым затруднениям**» [РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 133. Л. 157]. У народов Средней Азии и Северного Кавказа, не имевших развитой современной военной терминологии, обучение и управление войсками возможно было на русском при одновременном освоении команд на родных языках. «**В настоящее время командирам, не знающим языка красноармейцев своей части, приходится при отдаче распоряжений, порою, даже при подаче команд, прибегать к помощи и переводчиков**», — отмечалось в докладе Пугачева [РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 133. Л. 157]. 31 июля 1925 г. было издано постановление Президиума Совета Национальностей ЦИК «О введении в национальных частях исполнительных команд на русском языке» [РГВА. Ф. 54. Оп. 1. Д. 97а. Л. 12об.].

Одной из самых серьезных проблем развития национальных формирований стала подготовка национальных командных кадров. Еще до принятия Пятилетней программы в декабре 1924 г. приказом наркома по военным и морским делам от 9 июня 1924 г. «О национализации военно-учебных заведений» на базе различных курсов были открыты новые национальные военно-учебные заведения для подготовки командного состава на родном языке [РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 54. Л. 39]. Если на 1 марта 1924 г. их было 7, общая численность постоянного состава составляла 2 248 чел. и переменного (курсантов) — 2 973 чел., то к 1 ноября их число почти удвоилось: на 13 национальных военных школ приходилось 4 240 чел. постоянного и 4 961 чел. переменного состава [РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 54. Л. 174]. В 1925 г. количество курсантов национальных военно-учебных заведений выросло до 9460 человек, среди которых лица нерусской национальности составляли 76,6% [РГВА. Ф. 4. Оп. 2. Д. 112. Л. 26]. Комплектование этих школ шло за счет коммунистов, комсомольцев и членов профсоюзов, а также рядовых и младших командиров нерусской национальности, уже проходящих службу в войсках [РГВА. Ф. 4. Оп. 3. Д. 2927. Л. 113]. К концу 1924 г. сеть национальных военных школ в стране составила 21% от всех военно-учебных заведений. Свои военные школы имели украинцы, белорусы, поляки, татары, башкиры, киргизы, туркестанцы, грузины, армяне, азербайджанцы, горцы Северного Кавказа. Для других народов (немцев, мордовцев, вотяков, чувашей, зырян, молдаван) предусматривалось квотирование мест в военных вузах в местах их компактного проживания [РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 501. Л. 45].

По состоянию на 1 октября 1925 г. в РККА было уже 20 школ с 6 328 курсантами (пехота — 2 582, кавалерия — 1 808, артиллерия — 1 013, политсостав — 355, подготовительные отделения — 570) [РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 610. Л. 88]. По состоянию на 1 июля 1926 г. в РККА среди 49 018 чел. командного состава числилось: 36 042 русских, 4 496 украинцев, 2 585 белорусов, 350 немцев, 798 латышей, 178 литовцев, 20 осетин, 463 армянина, 958 евреев, 261 эстонец, 59 мордовцев, 281 татарин, 2 ногайца, 260 тюрков (азербайджанцев), 8 казахов, 19 киргизов, 24 узбека, 7 калмыков, 807 грузин, 1 имеретинец, 4 мингрела, 3 черкеса,

2 кабардинца, 2 абхаза, 11 лезгин, 3 аварца, 1 даргинец, 4 чеченца, 7 ингушей [РГВА. Ф. 4. Оп. 2. Д. 231. Л. 33]. В дальнейшем количество школ начало сокращаться, так как численность выпускников стала превышать штатную потребность войск.

Широкий перечень вопросов, связанных с подготовкой командно-политических кадров для национальных частей, обсуждался 20 марта 1926 г. на специально созванном совещании представителей военно-национальных вузов под председательством начальника Управления военно-учебных заведений РККА В. К. Путны [см.: РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 527. Л. 1–158]. На совещание были приглашены представители десятков национальных военных школ, условно разделенных на «западную» и «восточную» секции. Представленная на совещании статистика социально-демографического состава курсантов национальных школ говорит о весьма серьезном подходе к их отбору. Так, в 1925 г. для поступления прибыло: рабочих — 33,1%, крестьян — 56,5%, прочих — 10,4%; членов ВКП(б) — 10,5%, кандидатов в члены ВКП(б) — 14,3%, членов РКЛСМ — 39,8%, кандидатов в члены РКЛСМ — 2,5%, беспартийных — 2,9% [РГВА. Ф. 54. Оп. 1. Д. 1088. Л. 22]. Обращает на себя внимание очень высокий удельный вес рабочей и партийно-комсомольской прослойки среди поступавших, учитывая, что большинство местностей, откуда прибывали абитуриенты, были аграрными и слабо советизированными окраинами.

Тем не менее, в неславянских национальных формированиях еще в середине 1927 г. кадровый вопрос, по существу, находился лишь в начальной стадии решения. Например, в Башкирском территориальном полку имелось лишь четверо взводных командиров и два политрука — башкир по национальности. Аналогичная ситуация наблюдалась в татарских и других частях [РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 549. Л. 42–44]. Как справедливо отмечал в своем письме в ЦК ВКП(б) выпускник Военной академии РККА башкир М. Л. Муртазин, нехватка командиров-националов младшего и среднего звена в национальных частях не позволяла решить главную задачу: сделать армию привлекательной для широких слоев национального населения, облегчить прохождение службы националам [РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 549. Л. 43].

Проблема нехватки национальных командных кадров усугублялась зачастую полным отсутствием уставной и учебной литературы, так же как и военной терминологии на национальных языках. Работа по переводу этой литературы началась в 1920-х гг. с «чистого листа», нередко сразу же вслед за созданием письменности для ряда народов, не имевших ее прежде [РГВА. Ф. 54. Оп. 1. Д. 97а. Л. 8]. Перевод уставов и наставлений осуществлялся одновременно с выработкой военной терминологии (военная терминология считалась устоявшейся только на грузинском и армянском языках). Научно-уставной отдел (далее — НУО) Штаба РККА, занимавшийся обобщением опыта Первой мировой и Гражданской войн и составлением на его основе новых уставов, был перегружен этой работой, вследствие чего подготовка литературы на национальных языках была передана соответствующим округам, которым НУО лишь давал руководящие указания и утверждал годовые планы работ, а также распределял кредиты на подготовку уставов. К концу 1925/1926 бюджетного года часть уставов (гарнизонной и внутренней службы, боевой пехоты, описания винтовки, пулемета) уже была переведена на грузинский, армянский, тюркский (азербайджанский), татарский, узбекский, туркменский, казакский (казахский), украинский и белорусский языки. Однако в целом общая нехватка средств обусловила финансирование подготовки уставов на национальных языках по остаточному принципу: в 1927 г. округа получили на эти цели лишь 40% средств.

Издавалась на национальных языках и военно-политическая литература. На 1925/1926 бюджетный год в смету было заложено издание 12 наименований книг и брошюр на 20 языках (коми, марийский, татарский, бурят-монгольский, якутский, немецкий, киргизский, чувашский, чеченский, осетинский и др.) общей стоимостью около 143 тыс. руб. [РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 462. Л. 77–80]. Номенклатура военно-политических изданий касалась прежде всего биографий вождей партии и военного ведомства (М. В. Фрунзе и членов РВСР), красноармейских песен, памяток для терармейцев, выполняла общеобразовательные (букварь с военным уклоном) и общественно-просветительские функции («Памятка допри-

зывника», «Что должен знать молодой красноармеец?», «Льготы красноармейцам и их семьям», «Памятка отпускнику», «Художественные рассказы по истории гражданской войны») [РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 462. Л. 55–75]. Кроме того, в 1925 г. на национальных языках уже издавалось шесть газет (по одной — в УВО, ПриВО, ТуркВО, 3 — в ККА) [РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 462. Л. 76].

До конца 1920-х гг. значительная часть народов СССР оставалась неохваченной всеобщим обязательным призывом. К таковым относились все среднеазиатские и северокавказские народы. В то же время во многих таких регионах существовали национальные части или соединения, комплектовавшиеся постоянным составом на добровольной основе. На 1 декабря 1929 г. в РККА числились следующие национальные соединения, части и подразделения:

ЛВО: отдельный Карельский егерский батальон;

БВО: 2-я Белорусская и 33-я стрелковые дивизии;

УВО: 46-я, 96-я, 99-я, 100-я стрелковые дивизии;

СКВО: отдельный кавалерийский полк горских национальностей;

ККА: 1-я, 2-я Грузинские, Армянская, Азербайджанская стрелковые дивизии;

САВО: отдельные Узбекская и Туркменская кавалерийские бригады, отдельный Таджикский горно-стрелковый батальон, отдельные Киргизский и Казакский (Казакский) кавалерийские дивизионы;

ПриВО: 96-й немецкий стрелковый полк им. АССР немцев Поволжья 32-й Саратовской стрелковой дивизии, 100-й Татаро-Башкирский стрелковый полк и кавалерийский эскадрон 34-й стрелковой дивизии;

СибВО: Бурято-Монгольский кавалерийский дивизион [РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 610. Л. 87].

В это же время действовало девять школ по подготовке национальных военных кадров: Украинская кавалерийская (штатная численность курсантов — 320); Киевская артиллерийская (200); Червонных старшин (350); Объединенная Белорусская (500); Объединенная Татаро-Башкирская (442); Северо-Кавказская горских национальностей (320); Закавказская пехотная (550); Закавказская подготовительная (450); Объединенная Средне-Азиатская (795) [РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 610. Л. 88об.–89].

В значительной части национальные формирования были территориальными по способу организации, т. е. разворачивались до полных штатов лишь на время кратковременных лагерных сборов. Территориальный метод подготовки обученного резерва не обеспечивал высокой выучки военнообязанных, однако позволял в стесненных материальных условиях пропустить через войсковое обучение возможно большее количество военнообязанных, а также «обкатать» учетно-мобилизационную работу на местах. К тому же кратковременные сборы больше подходили для народов, не имевших исторической традиции несения срочной военной службы. Советское руководство прилагало большие усилия для создания резерва национальных командных кадров, а также для перевода военно-уставной литературы на языки народов СССР. Все эти меры не только существенно расширяли мобилизационную базу для комплектования РККА, но и способствовали втягиванию окраинных народов СССР в орбиту советской общественной жизни.

Источники

- Российский* государственный военный архив (РГВА).
Собрание законов и распоряжений правительства СССР (СЗ СССР).

Литература

- Декреты* Советской власти. Т. VIII. М.: Политиздат, 1976. 444 с.
Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 2. 1917–1924. М.: Политиздат, 1970. 543 с.
Народный комиссариат по военным и морским делам. Отчет за 1923–1924 годы. М., 1925.
Отчет о призыве на действительную службу в 1926 г. граждан рождения 1904 г. М., 1927.
Реформа в Красной Армии. Документы и материалы. 1923–1928 гг. В 2 кн. Кн. 1. М.; СПб.: Летний сад, 2006. 720 с.
Сиднев. Призыв национальностей // *Война и революция*. 1927. № 6. С. 3–18.
Фрунзе М. В. Собрание сочинений. Т. 2. 1924 год. М.; Л.: Госиздат, 1926. 323 с.